

Д.А. ЖУРАВЛЁВ

СМИ и терроризм

Современные средства массовой информации оказывают огромное влияние на общество. Масштабы и последствия освещения терроризма в СМИ широко обсуждаются исследователями. Об основных эффектах, которые связаны с медийной репрезентацией терроризма, и о спорах вокруг нее пойдет речь в данной статье.

К основным проблемам освещения терроризма в СМИ исследователи относят: 1) “эффект заражения”; 2) “спираль насилия”, связанную с “балансом террора”; 3) так называемый “эффект CNN”; 4) терминологические аспекты в описании терроризма (нейтралитет в использовании терминов и/или навешивание ярлыков).

“Эффект заражения”

“Эффект заражения” (*contagion effect*) – один из основных концептов в дискурсе о связи терроризма со СМИ. В наиболее обобщенном виде суть данного эффекта выразил Й. Александер: “В США стандартный репортаж о терроризме смотрит аудитория примерно в 40 млн человек. Каков шанс, что он привлечет внимание какого-нибудь неуравновешенного психопата и это подтолкнет его к участию в терактах в будущем? Если мы предположим, что одна десятая одного процента – неуравновешенные люди в пограничном состоянии, то в итоге получим 40 тыс. потенциальных маньяков. Если возьмем одну тысячную от одного процента, получится, тем не менее, четыре сотни. Если одну сотысячную от одного процента, то у нас все равно останется четыре человека, которых достаточно для совершения типичного теракта” [Alexander, 1981, p. 55].

По словам другого специалиста – Б. Дженкинса, “общество определенно считает, что освещение терроризма ведет к его распространению. Кроме того, подобного мнения придерживаются и террористы. Многие из них признавали влияние освещения терактов в СМИ на их последующие террористические действия” [Jenkins, 1981, p. 6–7]. Вместе с тем Дженкинс не склонен преувеличивать ответственность СМИ за распространение терроризма: “Новостные СМИ несут ответственность за распространение терроризма не более, чем коммерческая авиация за захват самолетов. Обширная коммуникационная сеть, которая составляет новостные СМИ, это всего лишь очередное уязвимое место в технологически развитом и свободном обществе” (цит. по [Picard, 1986, p. 8]).

Существует немного исследований, которые бы обосновывали существование причинно-следственной связи между распространением терроризма и его освещением в СМИ. Отмечая, что мнение о существовании “эффекта заражения” стало общим местом в работах о взаимосвязи терроризма и СМИ, Р. Пикард следующим образом описывает представленные варианты доказательств и приводит контраргументы. На

проблему освещения терроризма могут проецироваться выводы о влиянии на зрителей показа насилия и преступлений в СМИ. Однако исследования медийной репрезентации этих явлений остаются “одним из самых жарких полей спора в социальных науках”. В лучшем случае можно сказать, что изображение насилия и преступлений в СМИ не склоняет аудиторию к большему уровню насилия, но может повлиять на некоторых людей, у которых есть антисоциальные наклонности, и способствовать распространению неуверенности и страха среди остальных [Picard, 1986, p. 5].

Другое, псевдонаучное, по мнению Пикарда, доказательство – опросы мнений политиков, представителей правоохранительных органов и общественности о связи между СМИ и терроризмом. Однако эти люди основывают свои выводы на мнениях экспертов и исследователей, не сомневающих в существовании “эффекта заражения”, а следовательно, они лишь воспроизводят взгляды последних [Picard, 1986, p. 6].

Не менее критично отношение к “эффекту заражения” у исследователя коммуникационной и риторической составляющих терроризма Р. Даулинга. В своих работах он стремится доказать, что “эффект заражения” минимален или вовсе отсутствует. Он парирует основные тезисы сторонников существования данного эффекта следующим образом, представляя их развернутую критику.

Тезис 1. *Террористам нужна платформа для пропаганды.* Но Даулинг указывает, что “освещение терроризма СМИ редко включает в себя детальное рассмотрение их целей или философии”. А некоторые исследователи утверждают, что засилье реального или выдуманного насилия на телевидении продуцирует как раз чувства, противоречащие этому тезису: преувеличенное чувство страха и усиливает желание общества положиться на власти для защиты [Dowling, 1990, p. 229, 230].

Тезис 2. *Террористы стремятся завоевывать симпатию к делу, за которое они борются.* Даулинг парирует: “Симпатия возникает только к тем, кто похож на нас и от коммуникации с кем мы получаем прибыль. Террористы же не внушают доверия, они не компетентны, хотя и динамичны” [Dowling, 1990, p. 230–231]. Именно динамика террористической кампании призвана убедить зрителя если не посредством содержания, то хотя бы посредством объема коммуникации.

Тезис 3. *Освещение фокусируется на террористах и их действиях.* Но в СМИ, как заявляет Даулинг, доминирует нейтральное освещение. Впрочем, это полностью соотносится с приверженностью “терминологическому нейтралитету” (речь о нем пойдет ниже) [Dowling, 1990, p. 230–232].

Тезис 4. *Терроризм – это инфекция, и СМИ ее распространяют.* В ответ Даулинг делает не бесспорное утверждение о том, что “действия террористов не меняются от наличия или отсутствия освещения” [Dowling, 1990, p. 232].

По мнению Пикарда, “ни одно исследование, основывающееся на признанных методах социальной науки, не смогло установить причинно-следственной связи между распространением терроризма и его освещением в СМИ” [Picard, 1986, p. 4]. Предметный анализ литературы по проблеме терроризма и СМИ не позволяет выявить репрезентативного комплекса исследований, прямо или косвенно указывающих на взаимосвязь терроризма и СМИ в форме “эффекта заражения”. Их не так много.

Например, З. Тан рассмотрел деятельность Ирландской республиканской армии и ее репрезентацию в трех газетах. Используя методики анализа временных рядов, он пришел к выводу, что “интенсивность освещения является серьезным предиктором уровня последующего террористического насилия” [Tan, 1988, p. 18].

В 1991 г. Х.-Б. Бросиус и Г. Вайманн с применением методик анализа временных рядов и статистического перекрестного анализа, взяв в качестве источников 11 газет на пяти языках, частично доказали “эффект заражения”. Они пришли к ряду выводов. Первый состоит в том, что “за месяцем с повышенным уровнем террористической активности (и, следовательно, повышенного внимания к освещению терроризма) следует месяц с понижением активности”. Второй заключается в том, что “через шесть–семь месяцев после увеличения или уменьшения интенсивности освещения частота террористических актов соответственно увеличивалась или уменьшалась” [Brosius,

Weimann, 1991, p. 72, 68]. Таким образом, исследователи пришли к выводу об *опосредованной связи между интенсивностью освещения терроризма в СМИ и нарастанием террористической активности*.

В 2006 г. Б. Фрей и Д. Ронер провели анализ газет New York Times и Neue Zürcher Zeitung с использованием методов математического моделирования и статистического анализа и смогли сделать однозначный вывод: *“Терроризм и его освещение в СМИ являются взаимосвязанными и взаимообуславливающими друг друга явлениями”* (курсив мой. – Д.Ж.) [Frey, Rohner, 2006, p. 20]. Но данное исследование – весьма ограничено как по объему эмпирических данных, так и по репрезентативности выводов (они сделаны на основании одной модели математического анализа). Однако его ценность для дальнейшего изучения проблемы “терроризма и СМИ” вообще и “эффекта заражения” в частности не вызывает сомнения.

Таким образом, “эффект заражения” остается спорным моментом в теории взаимодействия СМИ и терроризма. Его критикуют за эмпирическую недоказанность, а существующие исследования ограничены по масштабам рассматриваемых взаимодействий.

С “эффектом заражения” тесно связан так называемый “кинематогенический эффект”, суть которого заключается в следующем:

- исполнители терактов в своем поведении стараются соответствовать ожиданиям СМИ и определенным моделям поведения;
- использование стереотипизированных описаний террористов и терактов накладывает определенные рамки на взаимоотношения между террористами, сотрудниками СМИ и теми, кто решают, какое освещение должны получать теракты;
- приверженность стереотипам дает большое основание для предсказуемости поведения исполнителей терактов, СМИ и публики [Cherif Bassiouni, 1983, p. 182].

В данном случае “эффект заражения”, во-первых, получает более основательное подтверждение (пусть и недоказанное в данном случае эмпирически), а во-вторых, его действие не ограничивается целиком негативными последствиями. Два этих взаимосвязанных эффекта имеют как внешний аспект – распространение терроризма “вширь”, так и внутренний. Проявлением внутреннего аспекта может служить формирование так называемой “спирали насилия”. А именно этот факт косвенно служит подтверждением существования “эффекта заражения”.

“Спираль насилия” и “баланс террора”

Совершение терактов и соответствующее освещение их в СМИ формирует то, что М. Чериф Бассиуни назвал “эффектом иммунизации”. Он проявляется в трех формах:

– повышение уровня общественной толерантности к насилию, связанное с постоянным освещением террористических действий в СМИ: общество способно выдерживать более высокий его уровень, а само насилие и насильственные действия террористов начинают восприниматься как факт жизни. В особенности, когда подобное освещение воспекает насилие и изображает его выгодную тактику. Отрицание насилия может подвергнуться эрозии, терпимость общества к насилию возрасти, а само оно войти в психологию общества как приемлемое поведение. Таким образом, моральная оппозиция насилию снижается, а иммунитет по отношению к нему возрастает. Это усиливает вирулентность насилия, то есть его проникновение во все сферы общественной и частной жизни;

– восприятие обществом терроризма как абсолютно чужеродного явления, вызванное изображением террористов как сумасшедших или как индивидов/организаций, которые находятся вне рамок социального контроля. В итоге игнорируются общественные проблемы, ставшие побудительными мотивами для деятельности террористов;

– притупление общественной реакции на террор, связанное с абстрактным и безличным изображением теракта, его вредоносного эффекта, а также и его жертв. Жертв

ва представляется при этом не как индивид (человек с именем, лицом, историей, семьей), а как заложник. Со временем общественное внимание фокусируется практически полностью на политическом измерении инцидента, становясь невосприимчивым к его человеческому измерению [Cherif Bassiouni, 1983, p. 187–188].

Дженкинс обращает особое внимание на данный факт: «Терроризм через некоторое время перестает работать. Новостное значение очередного похищения, убийства снижается по мере того, как эти акты повторяются. По иронии, интенсивное освещение отдельных террористических эпизодов новостными СМИ, привлекая к ним внимание, в то же время серьезно снижает их значимость, делая будничными событиями. Кроме того, публика может стать безразличной к потоку новостей о террористическом насилии и “отключиться”. Опасность состоит в том, что в брутализованном обществе даже чрезмерный уровень насилия может стать приемлемым» [Jenkins, 1981, p. 7]. Как пример, подтверждающий данные выводы, можно привести статью израильских ученых Т. Либеса и З. Кампфа. Согласно их выводам, «для израильтян “шоу терроризма” в прямом эфире стало рутинной, заранее хорошо известной по содержанию и последствиям. Оно превратилось в часть жизни и соответствующим образом должно было быть включено в нее» [Liebes, Kampf, 2007, p. 109].

С приобретением обществом иммунитета к насилию возникают два последствия: повышается уровень насилия, необходимый для достижения целей устрашения; нарастает численность тех, кто готов прибегнуть к насилию. Таким образом, используя терминологию Черифа Бассиуни, “увеличиваются вирусный и устрашающий эффекты терроризма” [Cherif Bassiouni, 1983, p. 188].

Логика погони за сенсацией, характерная для СМИ, их повышенное внимание к террористам, а также постепенное “привыкание общества” к насилию приводят к тому, что массовый террор становится “будничным, таким же массовым продуктом, как автомобиль” [Оганян, 2006, с. 31]. В совокупности эти факторы вызывают к жизни “спираль насилия”.

Суть ее состоит в следующем: террористы считают, что общество становится все более невосприимчивым к терактам. Г. Кляйн (известный террорист) подтверждает это своим заявлением: “Чем больше растет уровень насилия, тем больше уважения проявляют к тебе люди. И тем выше становятся шансы достичь задуманного (цит. по [Хоффман, 2003, с. 217]). Этот уровень “уважения”, о котором говорит Кляйн, и есть известность. Эта погоня за известностью вызывает, по справедливому замечанию Н. Лебедевой, “изменение ориентации в действиях многих террористических групп: они, в основном, сосредотачиваются на крупных целях” [Лебедева, 2003, с. 231].

По мнению военного специалиста по связям с общественностью Т. Данна, “успех [терроризма] зависит не столько от начальной атаки, сколько от создания спирали, контролируемой не силами правопорядка, а террористами. Если террористам удастся заманить демократические страны в эту спираль и контролировать движение вверх по ней, то они начнут диктовать условия боя” [Dunne, 2006, p. 22].

В итоге многих террористов, по словам Б. Хоффмана, «“замкнуло” в восходящую спираль насилия, призванную приковывать к ним внимание общественности и СМИ». Упомянутый выше Кляйн считает подобную эскалацию “силой привычки” среди террористов, внутренним продуктом постоянной потребности в самоутверждении, которое, в свою очередь, оценивается вниманием СМИ (цит. по [Хоффман, 2003, с. 217]). Вот почему трудно спорить с выводом одного из исследователей, утверждавшего: “Чтобы обеспечить освещение события, террористам необходимо повысить порог зрелищности во время теракта” (цит. по [Martin]). В свою очередь, Дженкинс развивает эту мысль: “Террористы могут обратиться к новым тактикам и целям, стремясь вновь завоевать внимание новостных СМИ, или могут повысить уровень насилия настолько, что его уже нельзя будет игнорировать” [Jenkins, 1981, p. 7]. В результате в настоящее время террористы склонны организовывать все более разрушительные теракты, с целью достичь хотя бы того же эффекта, какой в прошлом достигался менее зрелищным или кровавым терактом.

Представляется бесспорным, что деятельность СМИ способствует искажению восприятия. Оно, как пишет Хоффман, “выражается в завышенной оценке вероятности пострадать в ходе теракта и является по большей части прямым отражением несоизмерного освещения действий террористов СМИ” [Хоффман, 2003, с. 182]. Страхи значительно превосходят реальную угрозу. Это тоже выгодно террористам, поскольку, по идее, каждый следующий теракт воспринимается все более ужасающим по сравнению с предыдущим.

Таким образом, страх в восприятии терроризма усиливается, что служит для террористов доказательством эффективности их деятельности. Однако постепенное “обудничивание терроризма” и все менее охотное освещение средствами массовой информации терактов заставляет их продвигаться вверх по “спирали насилия”. Любое положение на “спирали насилия” как последствия вышеназванных эффектов описывается определенным “балансом террора”. Под этим термином понимается соотношение уровня насилия и уровня толерантности по отношению к нему общества, а также реакция властей.

“Террористы с целью противостоять негативным реакциям, вызываемым их актами насилия, пытаются спровоцировать не меньшее насилие со стороны властей, показав тех с невыгодной стороны”, – пишет Даулинг [Dowling, 1982, p. 16]. В этом состоит еще один фактор развития “спирали насилия”. Как пример можно привести слова представителя Палестинского исламского джихада о том, что терроризм смертников необходим, дабы достичь “баланса террора”. По словам другого боевика, “если наши жены и дети не застрахованы от израильских танков и ракет, их – не будут застрахованы от наших человеческих бомб (цит. по [Hoffman, 2006, p. 155]). В этих высказываниях и заключается логика “баланса террора” как составляющей “спирали насилия”. Существуют, однако, некоторые различия между терроризмом разного типа – революционным, этносепаратистским, религиозным и т.п.

Успешным этнонациональным/сепаратистским террористическим организациям удается определить эффективный уровень насилия, который будет одновременно “герпимым” для местного населения, допустимым в глазах мирового сообщества и достаточно дозированным, чтобы не спровоцировать жесткие ответные меры со стороны правительства [Хоффман, 2003, с. 197]. До 1990-х гг. некоторые террористические группы опасались породить нежелательную враждебность в том случае, если насилие приобретает слишком большой масштаб. Они стремились найти пресловутую “золотую середину”, они хотели выйти на уровень насилия, достаточно шокирующий для привлечения внимания, но вместе с тем не вызывавший отторжения у аудитории [Dunne, 2006, p. 31].

Религиозные террористы, в свою очередь, в гораздо меньшей степени ориентированы на поддержку аудитории. Оправдание своих действий они видят в абсолютной власти Бога. Кроме того, “их риторика сводится к дегуманизации врага, что легитимирует его уничтожение” [Enders, Sandler, 2006, p. 48]. В итоге “спираль насилия” становится более крутой. Но у нее есть свой предел, так как постепенное нагнетание насилия отодвигает верхнюю планку и способствует раскручиванию спирали. Но при этом нарастает риск контрпродуктивности. Ведь “в случае совершения актов чрезмерного насилия государства могут объединиться в едином стремлении уничтожить террористов” [Martin, 2009]. Именно это частично и произошло после событий 11 сентября 2001 г.

Исследования показали, что существуют другие способы привлечь внимание СМИ: атаковать значимые для западных стран цели (собственность и граждан); производить теракты в самих западных странах; увеличить уровень насилия (выражаемый в количестве жертв) или изменить тип теракта (в большинстве случаев получают освещение угоны самолетов и захваты заложников). Теракты, совершенные в западных странах, привлекают больше внимания основных (преимущественно западных) СМИ, чем теракты в других регионах мира. В “незападных” регионах добиться мировой огласки можно лишь тогда, когда удастся задействовать в большем объеме вышеупомянутые

факторы [Frey, Rohner, 2006, p. 11]. Это можно видеть на примере серии терактов в Индии 26–29 ноября 2008 г. Кроме того, не стоит забывать о принципиально важном решении исполнителей теракта взять на себя ответственность за его проведение.

Данная логика не противоречит идее “спирали насилия”, поскольку эта спираль имеет свои истоки не только в реальности (конкретные теракты), но и в пространстве коммуникации (освещение этих событий).

СМИ и действия властей: терроризм и “эффект CNN”

Телевидение не только формирует общественное мнение, но и становится “политическим двигателем”. Крупные СМИ все больше осознают себя как “четвертую ветвь власти”. Это проявляется и в освещении терактов. Действия СМИ лишают правительства маневра и времени, поскольку формируют в общественном сознании ожидаемую линию поведения. В результате ответственные за преодоление кризисной ситуации лица вынуждены принимать решения в ограниченные сроки и без опоры на комплексный анализ информации. Это ярко проявилось в 1985 г. во время захвата ливанскими шиитскими террористами самолета компании Transworld airlines: в результате давления СМИ администрация Р. Рейгана была вынуждена террористам уступить. В итоге террор был признан выгодной тактикой, к которой стали прибегать все чаще и чаще.

Таким образом, деятельность СМИ лишает правительства трех ключевых факторов в любой кризисной ситуации: времени (поскольку СМИ реагируют быстрее, но и более поверхностно, чем госструктуры), конфиденциальности информации (поскольку СМИ передают ее всему миру, в том числе и террористам) и пространства для маневра (СМИ формируют ожидаемую линию поведения в обществе).

Несмотря на то, что СМИ в основном только мешают действиям по преодолению кризиса, большая часть американцев оценивают роль СМИ положительно, как способствующую позитивному разрешению кризиса [Хоффман, 2003, с. 178–179]. Речь в данном случае идет о захвате заложников – и в этом проявляется непросвещенность “общественного мнения”. Заложники (по крайней мере, большинство из них) остаются живы не благодаря работе СМИ, а потому что они нужны террористам. Если террористы начнут в массовом порядке их расстреливать, то ничто не удержит анти-террористические группы от штурма. А подавляющее большинство заложников гибнет именно во время операций по их спасению. Таким образом, нельзя четко заявить о связи между деятельностью СМИ и угрозой для жизни заложников.

Многое в рассмотрении влияния освещения терроризма в СМИ на политику правительств может дать анализ данного явления через призму “эффекта CNN”. Данные определения обусловлены тем, что американский новостной канал CNN формата 24/7 стал одним из главных инструментов, с помощью которых формируется мировоззрение и мировидение элит в различных странах. Аудитория этого канала, возможно, не столь велика, однако он – один из основных источников информации для лиц, принимающих решения.

В самом общем виде “эффект CNN” – это попытки высших должностных лиц, законодателей и представителей армии и полиции основывать свои действия не на данных разведки и выводах аналитических отделов (которые не всегда успевают за оперативностью СМИ), а на репортажах CNN [Dunne, 2006, p. 32].

Правительства все чаще вынуждены реагировать на события прежде, чем они будут полностью оценены, получая, выражаясь словами Хоффмана, “намеки от телевизионных ведущих, подающих события так, как это выгодно СМИ, вместо того, чтобы вырабатывать решения, основанные на всей имеющейся информации” [Хоффман, 2003, с. 185]. Эта спешка диктуется как стремлением правительств “поспеть” за СМИ, так и условиями постоянных *deadline*-ов в последних. Ситуация “давления времени” вызывает к жизни “догадки в последний момент” (*predeadline guess*) [Lukaszewski, 1987], которые немедленно передаются в эфир.

Л. Катлер, бывший советник президента Дж. Картера, заметил: “Если в новостях появляется информация о трагическом событии за рубежом, президент и его советники чувствуют необходимость сделать ответное заявление в срок до следующих вечерних новостей” (цит. по [Хоффман, 2003, с. 185]). Появление и развитие новостных каналов формата 24/7 и убыстрение коммуникации в “новых СМИ” (в первую очередь, в Интернете) лишь усилило эту тенденцию.

В самых общих чертах власти стремятся к тому, чтобы освещение терроризма в СМИ отвечало ряду требований: продвигало правительственную “повестку дня”, а не предлагаемую террористами; препятствовало доступу террористов к СМИ; описывало террористов как преступников; предоставляло информацию для властей; рассеивало напряжение во время кризиса, а не усиливало его; избегало эффекта “рыдающей матери” (перекоса в сторону историй о личных переживаниях); контролировало возможность террористов передать сообщение вовне; не раскрывало текущие действия по преодолению кризиса; было критическим по отношению к информации, поступающей от сторонников террористов; не содержало сведений об успешных действиях террористов; улучшало имидж правительственных служб и подчеркивало их успехи; отражало сотрудничество правительственных агентств и СМИ [Perl, 1997].

Вместе с тем и “новые” (Интернет), и “традиционные” (ТВ, радио, пресса) СМИ объединяет ряд общих черт и способов передачи информации. Например, “навешивание ярлыков”, создающих определенные рамки (“фреймы”) для восприятия событий (в том числе и терроризма).

Ярлыки vs терминологический нейтралитет: “террорист” или “борец за правое дело”?

В настоящий момент не существует общепризнанного определения терроризма, которое разделяли бы все страны мира. Причина в том, что терроризм сложно отделить от национально-освободительной борьбы или действий отдельных подразделений правоохранительных органов. Следовательно, можно ориентироваться только на те определения, которые дают законодатели в отдельных странах.

Федеральный закон РФ “О противодействии терроризму” (в редакции 30 декабря 2008 г.) гласит: “...терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и(или) иными формами противоправных насильственных действий” (п. 1 ст. 3). Ключевой для нашего анализа коммуникационный аспект терроризма также был упомянут законодателем в п. 2 ст. 3, которая дает определение понятия “террористическая деятельность” и включает, помимо прочего: “д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности”. Данное определение представляет собой консолидированную позицию государства по проблеме вычленения терроризма из ряда подобных ему противоправных действий и охватывает основные особенности терроризма как явления. В общем, оно может быть признано удачным. Конечно, конкретные проявления терроризма, особенно международного, значительно шире данного определения. Еще больше размыкает понятие “терроризм” в общественном сознании репрезентация подобных актов в СМИ.

А. Миллер, подчеркивая важность для всего общества проблемы адекватного изображения террористов, [Miller, 1982^a, p. 3] замечает: “В описании террористов СМИ мало нейтральных слов, в них присутствуют коннотации и денотации. Выбор слов определяет точку зрения” [Miller, 1982^b, p. 32]. Во время антиколониального терроризма (Израиль, Кипр, Алжир, Палестина) в обиход вошло “политически корректное” наименование “борец за свободу” [Hoffman, 2006, p. 16]. Так родилась формула, из-

учению которой посвящено много исследований терроризма вообще и его взаимоотношений со СМИ в частности: “Террорист для одного человека – это борец за свободу для другого”.

В 1977 г. Х. Купер выразил общее мнение по поводу того, что СМИ просто отражают реальность этой формулы [Cooper, 1977, p. 154]. Освещение действий террористов СМИ еще больше обострило споры о том, кого называть террористом, а кого – борцом за свободу. Американские СМИ “зачастую в одном сообщении обозначали террористов как партизан, вооруженных бандитов, налетчиков, боевиков и даже солдат” [Хоффман, 2003, с. 36–37]. Это зависело от множества факторов: от самих террористов, от их действий, от страны их действий, от политики США по отношению к ним и к этой стране, от политики компании. Можно предположить, что даже от настроения репортера и его личного отношения к происходящему. Кроме спешки при передаче новостей, смешение понятий вызвано также отмеченной Д. Раппопортом “рабской преданностью терминологическому нейтралитету” (цит. по [Hoffman, 2006, p. 29]).

Другим аспектом проблемы стала уже упомянутая особенность, подмеченная Хоффманом: «Неясность определения “терроризм” поддерживается в том числе и СМИ, чьи попытки передать сложную и запутанную информацию со всего света при наименьших затратах эфирного времени привели к беспорядочному клеймлению словом “терроризм” проявлений насилия самого широкого спектра» [Хоффман, 2003, с. 5].

Не особенно разбираясь в тонкостях ситуации и действиях террористов, корреспонденты или вообще избегали употребления слова “террорист” или, наоборот, называли всех участников теракта террористами, а все их действия терроризмом. Как отмечает Хоффман, «ответственность [в том числе и в выборе терминов], ранее лежавшая на редакторе телестудии, имевшем время для трезвого размышления или взвешенного суждения, теперь в погоне за “сенсацией в прямом эфире” перешла к репортерам» [Хоффман, 2003, с. 168].

Сенатор Г. Джексон следующим образом отозвался о формуле “террорист для одних – борец за свободу для других”: «Эту мысль нельзя даже допустить. Позорно думать, будто демократии смиряется с тем, чтобы драгоценное слово “свобода” ассоциировалось с действиями террористов» (цит. по [Cohen-Almagor, 2005, p. 384]). Это может служить объяснением постепенному исчезновению словосочетания “борец за свободу” (*freedom fighter*) из медийного дискурса, однако не снимает вопросов относительно терминологической путаницы с другими понятиями: “боевик”, “повстанец”, “партизан”, “*military combatant*”.

Терроризм – тактика коммуникации (в широком смысле слова), которая совмещает использование и угрозу использования насилия с целью принудить отдельные группы к лояльности и одобрению. Подобную тактику могут применять как государственные, так и негосударственные акторы, как исключительно внутри конкретной страны, так и в рамках всего мира. Выбор конкретных слов для описания достаточно схожих действий может варьироваться в зависимости от легитимности актора и его места в социальной структуре.

Государственные акторы, использующие методы, которые могут быть признаны террористическими, более способны сопротивляться ярлыку “терроризм”, в то время как негосударственные акторы террористической деятельности с большей степенью вероятности будут названы “террористическими” для того, чтобы противостоять их заявлениям о легитимности. “Легитимность и власть государства, – резюмирует свои размышления Р. Крелинстен, – ведут к тому, что насилие скрывается за разными масками: арест вместо похищения, предварительное заключение вместо изоляции, штраф вместо вымогательства, устрашение вместо терроризма, заключение вместо захвата заложников, казнь вместо убийства” [Crelinsten, 1987^a; 1987^b, p. 7–8, 440].

Кроме навязывания ярлыка “террорист”, у государства есть две модели контроля, действующие не только в области правоприменения, но и на уровне коммуникативных стратегий (риторики контртерроризма):

– модель криминального правосудия, согласно которой террористы – преступники, и к ним, соответственно, применимы нормы уголовного, а не гуманитарного права;

– военная модель, предполагающая, что террористы – представители противоборствующей армии, и к ним, следовательно, должны применяться нормы гуманитарного права [Crelinsten, 1987⁶, p. 8–9].

С этим связана другая проблема – террористы позиционируют себя как противоборствующая сторона, в идеале – равный соперник с государством. Поэтому они считают, что к ним должны относиться как к солдатам. “Из-за интенсивного освещения СМИ, – отмечает Крелинстен, – террористическая группа может оказаться изображенной как равный партнер в политическом диалоге между двумя одинаково сильными соперниками” [Crelinsten, 1987^а, p. 441]. Подобное произошло в России во время теракта в Буденновске, когда переговоры с террористами проводил премьер-министр В. Черномырдин. Участие в переговорах представителя государства подобного ранга автоматически возвысило и террористов до уровня равноправного участника диалога.

Вместе с тем государства не склонны рассматривать террористов как противоборствующую армию, поэтому с большей охотой привлекают модель криминального правосудия. Перемена модели “криминального правосудия” на “военную” ведет к смене дискурса “криминального правосудия”, полицейской операции на дискурс войны [Crelinsten, 1987^а, p. 443]. В свою очередь, смена модели и дискурса может привести к глобальным изменениям в коммуникационной ситуации.

* * *

Терроризм и его освещение в СМИ стали чрезвычайно актуальной проблемой человечества начала XXI в. Коммуникационные аспекты терроризма играют значимую роль в современном обществе, опутанном различными информационными сетями. Особую важность описанные в статье эффекты начинают приобретать в наши дни, когда “новые СМИ” (в первую очередь Интернет) с их слабой контролируемостью и многообразием мнений оказываются все более важным фактором общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лебедева Н.Б. Борьба с терроризмом: глобальные и региональные аспекты // Терроризм – угроза человечеству в XXI веке. М., 2003.

Оганян Р. Театр террора. М., 2006.

Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003.

Alexander Y. The Media and Terrorism // Contemporary Terror: Studies in Sub-State Violence. London, 1981.

Brosius H.-B., Weimann G. The Contagiousness of Mass-Mediated Terrorism // European Journal of Communication. 1991. Vol. 6.

Cherif Bassiouni M. Problems in Media Coverage of Nonstate-Sponsored Terror-Violence Incidents // Perspectives on Terrorism. Wilmington, 1983.

Cohen-Almagor R. Media Coverage of Acts of Terrorism: Troubling Episodes and Suggested Guidelines // Canadian Journal of Communication. 2005. Vol. 30.

Cooper H.H.A. Terrorism and the Media // Terrorism: Interdisciplinary Perspectives. New York, 1977.

Crelinsten R.D. Power and Meaning: Terrorism as a Struggle over Access to the Communication Structure // Contemporary Research on Terrorism. Aberdeen, 1987^а.

Crelinsten R.D. Terrorism as Political Communication: the Relationship between the Controller and the Controlled // Contemporary Research on Terrorism. Aberdeen, 1987⁶.

Dowling R.E. The Rhetorical Genre of Terrorism: Identification and Policy Implications // Paper Presented at the Annual Meeting of the Western Speech Communication Association. Denver (Col.), February 19–23, 1982 (http://www.eric.ed.gov/ERICDocs/data/ericdocs2sql/content_storage_01/0000019b/80/1e/74/0c.pdf). Дата доступа: 2 марта 2009 г.

Dowling R.E. The Terrorist and the Media: Partners in Crime, or Rituals and Harmless Observers? // The 1988–1989 Annual on Terrorism. Boston–London, 1990.

- Dunne T.* Terrorism and the News Media. 2006 (<http://www.rusi.ca/ns/Terrorism%20and%20the%20Media.pdf>). Дата доступа: 2 марта 2009 г.
- Enders W., Sandier T.* The Political Economy of Terrorism. Cambridge, 2006.
- Frey B.S., Rohner D.* Blood and Ink! The Common-Interest-Game between Terrorists and the Media. Working Paper № 285. University of Zurich. April 2006 (<http://www.iew.unizh.ch/wp/iewwp285.pdf>). Дата доступа: 2 марта 2009 г.
- Hoffman B.* Inside Terrorism. New York, 2006.
- Jenkins B.M.* The Psychological Implications of Media-Covered Terrorism // RAND Corporation. P-6627. Santa Monica (Cal), 1981.
- Liebes T., Kampf Z.* Routinizing Terror: Media Coverage and Public Practices in Israel, 2004–2005 // Press/Politics. 2007. Vol. 12. № 1.
- Lukaszewski J.E.* The Media and the Terrorist: a Dance of Death. 1987 (<http://www.e911.com/speeches/mediaandterrorists.html>). Дата доступа: 2 марта 2009 г.
- Martin L.J.* The Media's Role in International Terrorism (<http://pegasus.cc.ucf.edu/~surette/mediasrole.html>). Дата доступа: 2 марта 2009 г.
- Miller A.H.* Terrorism, the Media, and Law Enforcement: an Introduction // Terrorism, the Media and the Law Dobbs Ferry. 1982^a.
- Miller A.H.* Terrorism, the Media, and the Law: a Discussion of the Issues // Terrorism, the Media and the Law Dobbs Ferry, 1982^b.
- Perl R.F.* Terrorism, the Media and the Government: Perspectives, Trends, and Options for Policymakers. 1997 (<http://www.au.af.mil/au/awc/aw-cgate/state/crs-terror-media.htm>). Дата доступа: 2 марта 2009 г.
- Picard R.J.* News Coverage as the Contagion of Terrorism: Dangerous Charges Backed by Dubious Science // Paper Presented at the 69th Annual Meeting of the Association for Education in Journalism and Mass Communication. University of Oklahoma. August 3–6, 1986. 21 p. (http://www.eric.ed.gov/ERICDocs/data/ericdocs2sql/content_storage_01/0000019b/80/2f/59/32.pdf). Дата доступа: 2 марта 2009 г.
- Tan Z.C.W.* Media Publicity and Insurgent Terrorism: a Twenty-year Balance Sheet // International Communication Gazette. 1988. Vol. 42.
- Weimann G., Brosius H.-B.* The Newsworthiness of International Terrorism // Communication Research. 1991. Vol. 18. № 3.